

УДК: 81'373.61

СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В МОРФОДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА. СТАТЬЯ 3. ПРОБЛЕМА МОРФЕМИЗАЦИИ НЕСТАНДАРТНЫХ «ОТРЕЗКОВ» – МОТИВАНТОВ-УНИФИКСОВ

Н. Д. Голев

NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK IN MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE. PAPER 3: THE PROBLEM OF MORPHEMIZATION OF NON-STANDARD «UNITS» – MOTIVANTS-UNIFIXES

N. D. Golev

Статья является продолжением публикаций автора, посвященных изучению вопроса о статусе и месте асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова (статья 1 и 2 опубликованы в предыдущих выпусках журнала «Вестник КемГУ»). Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант ранее опубликованной статьи автора «Фонетические мотиванты» [6]. В настоящей статье анализируется вопрос о нестандартных аффиксоподобных отрезках, остающихся после процедуры отождествления основ по корню, например, -ас (морда – мордасы), -здр' (нос – ноздря), -блат (цифра – циферблат), му- (сор – мусор), ши- (ворот – шиворот). Такие отрезки обычно обозначают термином «унификс». Обсуждаются различные решения данного вопроса в зависимости от подхода к нему: морфемного (структурно-семантического) или деривационного (структурно-функционального), лексического или системно-словообразовательного, синхронного или генетического, парадигматического или синтагматического. Особое внимание в статье обращается на проблему морфемизации унификсов – трансформации их в обычные аффиксы.

This article continues the series of publications devoted to the problem of status and rank of non-semantic elements in the morphoderivational word structure. The article deals with non-standard similar-to-affixes units which remain after the procedure of stem identification on the root, e. g.: -ас (морда – мордасы), -здр' (нос – ноздря), -блат (цифра – циферблат), му- (сор – мусор), ши- (ворот – шиворот). Such units are usually called «unifikes». Different solutions to this problem are discussed depending on the approach chosen: morphemic (structural-semantic) or derivational (structural-functional), lexical or systematic-derivational, synchronous or genetic, paradigmatic or syntagmatic. Special attention is paid to the problem of unifikes morphemization – their transformation into common affixes.

Ключевые слова: морфодеривационная структура слова, асемантические элементы, словообразовательная модель, субморфы, унификсы, мотивант, морфемизация.

Keywords: morphoderivational word structure, non-semantic elements, derivational model, submorphs, unifikes, motivant, morphemization.

В статье описываются процессы и результаты приобретения неморфемными отрезками статуса словообразовательного средства. Ранее мы использовали для дериватизированных отрезков термин «фонетические мотиванты» [6, с. 106 – 114]. Под мотивантами понимались отрезки, которые различают исходную единицу, или мотиватор, и вторичную единицу, обусловленную мотиватором. Так, в паре (микро- – связанная основа) – *микроб*, отрезок *б* представляет собой своеобразный формант, если иметь в виду широкое определение «Русской грамматики»: формант это то, что отличает мотивированную единицу от мотивирующей [17, т. 1, с. 134]. Это сугубо структурное определение, которое основано на статических отношениях двух лексических единиц (основ), связанных смысловой общностью и мотивационными отношениями (одно выводится по смыслу из другого) и которое не предполагает учета синхронно-словообразовательной функции такого рода отрезков. Случаи попадания фонетических средств и способов в мотивационную позицию весьма разнообразны – как по форме и содержанию (вещественному, стилистическому; семантическому и прагматическому) мотивационной «сцепки», так и по происхождению, назначению и функционированию, ср.: *проект* – *прожект*,

цифра – *цифирь*, *песня* – *песнь*, (совмещение мотивантов двух типов: фонетического – вставка фонемы, и морфологического – (мена парадигм): *пламя* – *пламень*, *чужой* – *чуждый*, *тот* – *этот*, *не* – *нет*, *да* – *мда*, *тысяча* – *тыща*, *мать* – *матерь*, *пускать* – *пуцать*, *антиномия* – *антимония*, *слушать* – *слышать*, *сидиться* – *сесть*, *хаос* – *хаОс*, *гол* – *г-о-о-л!*, *ФМШ* – *фымышша*, *дворянин* – *творянин*, *принцип* – *прынцип*, *сейчас* – *цаз!*, *укрошение* – *курошение*, *вертолет* – *ветролет*, *волк* – *лвок*. Расширение состава мотивантов может идти по линии включения в них сугубо звуковых модификаций, включая просодические, поскольку интонация способна менять смысл слова на противоположный, и сугубо графические, современные формы письменной коммуникации (онлайн-общение в Интернете, рекламная и медийная формы коммуникации) демонстрируют весьма огромные возможности выражения прагматических смыслов, оттенков смысла, успешно конкурируя в этом со звуковой речью. Такое широкое понимание фоно- и графодериватологии предполагает другую модель описания деривации и другой его (описания) понятийно-терминологический аппарат, который должен ставить во главу угла функцию и разноуровневые (синтаксические, морфологические, фонетические, графические)

средства ее воплощения. Позволим себе предположить, что эффективным путем такого моделирования может стать использование модели функционально-семантических категорий в грамматике, предложенных А. В. Бондарко [1] (см. попытку такого описания, предпринятую нами в [5, с. 19 – 25]).

При представлении мотивации (в широком смысле) как функционально-семантической категории ядерную позицию в ней «должны занять» специальные словообразовательные средства – аффиксы, характеризующиеся возможностью структурирования означаемого и покомпонентного его выражения в морфной структуре слова, причем это выражение осуществляется в достаточно типовых формах: определенностью отношений означаемых исходного и производного слов, включенностью производного слова в систему, позволяющую прогнозировать его. Средства остальных уровней: фонетического, лексико-фонетического (отрезки звуковых оболочек слов), морфологического, лексического (основы) – даже будучи единственным средством маркирования новизны в данном мотивированном слове, лишь в разной степени приближаются к мотивационно-словообразовательному ядру, но только при особых условиях включаются в него. Большинство нестандартных мотивантов, проиллюстрированных выше, обнаруживают себя в единичных парах «мотиватор – мотиват». Однако далее будут рассмотрены и случаи приобретения подобными соотношениями признака регулярности и, как следствие, некоторых свойств обычной словообразовательной модели. Например, достаточно высокой продуктивностью и системной организованностью фонетическая мотивация обладает в разговорной речи, где различные деформации звуковых оболочек слова типа *гравитационник*, *мамерлат* используются для маркирования стилистической сниженности [18, с. 177 – 179]. В других случаях проявления системности возникает лишь фрагментарно, например, при выражении каузативности: *сидеть* – *садить*, *пить* – *поить*, *стоять* – *ставить*, хотя и эта системность угасающая, поскольку проявляется в непродуктивной модели. Возможно и обратное направление взаимодействия мотивационного ядра и периферии – утрата словообразовательными аффиксами своих свойств. Эти направления и являются предметом анализа в настоящей статье на примере форм мотивантов, промежуточных между фонетическими и словообразовательными.

На наш взгляд, одной из таких промежуточных форм являются так называемые унификсы – аффиксы, не обладающие типичностью формы: *тр-ио*, *ши-ворот*, *чай-хана*, *выкрут-асы*, *солдаф-он*, *ал-химия*, *ба-хвалиться*, *му-сор*, *овс-юг*, *бел-есый*, *мач-еха*, *орлан*, *годов-алый*, *чист-оган*, *аван-сцена*, *кафе-терий*, *маск-арад*, *рук-ав*, *бур-ав*, *почт-амт* и др. (прим. автора: *Достаточно полный список слов, содержащих унификсы, представлен в учебном пособии Г. А. Воеводиной (приложения 1, 2, 3). Считаем, однако, нужным подчеркнуть, что этот список, на наш взгляд,*

содержит значительное число избыточных единиц. Так, вряд ли в число унификсов как разновидности аффиксов следует относить меч- (меч-рыба), луна- (луна-парк), бари- (баритон), ляпис- (ляпис-лазурь), -банд (джаз-банд) и под.; такое стирание границ между основами как мотивирующими базами и аффиксами не оправдано системой языка, в которой аффиксы онтологически дистанцированы от основ (скажем, чудо-рыбак – сложение основ, а архирыбак и сверхрыбак – префиксация); при подходе Г. А. Воеводиной, термин «унирадксонид» теряет свой смысл. Неясна логика квалификации как унификсов обычных суффиксов в сложных словах типа -ни(е) в дуракаваляние, -атин(а) в отсебятина и под. Вряд ли уникальны аффиксы типа по-...-от (позевота), по-...-ушк (побегушки), за-...-и(заветрие) и т. п.; в лучшем случае здесь уникальны комбинации аффиксов, но комбинации такого рода – это уже не собственно аффиксы (единицы структурного плана языка), а форманты (единицы функционального плана). Наконец, много вопросов вызывает квалификация как самостоятельных унификсов комбинаций двух или трех суффиксов и комбинаций суффиксов с наращениями, в т. ч. – финалями основ: -ежник (валежник), -алищ(седалище), -арк (кухарка), -анец (багрянец, ср. багровый /почему не багряный? – Н. Г.) и т. п. [2]). Унификсы отличаются от других фонетических мотивантов лишь более типичной для русских аффиксов позицией (в начале или в конце слова) и неоднородной формой, отчего унификсальные производные более ясно структурируются. Но как те, так и другие являются мотивантами, не будучи формантами, поскольку маркируют производное без выражения определенного значения, в лучшем случае лишь намекая на него возможностью «вычитания» семантики мотиватора из семантики мотивированного слова. Получаемое таким образом значение следует определить как потенциальное. Нельзя считать семантикой унификса отношения подобия (орел – орлан) или смежности (рука – рукав), так как, во-первых, эти отношения являются глобальными, организующими всю мотивационную систему, собственно же значения могут появиться лишь при их конкретизации (омнибус... автобус... троллейбус...), а, во-вторых, подобие и смежность как частные проявления общности выражаются не мотивантами, а мотивирующими базами, как раз и олицетворяющими общность.

Ближе к ядру поля мотивантов расположены унификсы, накладывающиеся на стандартные для языка значения, например, женскости (попадья, свекровь, королева), субстанциональности действия (любовь, выкрутасы), субстанциональности качества (синевя, чистоган), лица (скупердяй, дуралей, юноша, юниор), собирательности (детвора, жулябия – окказиональное). Вероятность прогнозирования таких значений, понятно, более высока.

Переход унификсов в собственно словообразовательный аффикс, вероятно, не типичен для русского языка, но не исключен, а возникновение слов с уни-

фиксами в речи и их узуализация более естественна и имеет много различных форм, ср.: *нянюття, ребентуш, глазенапы* [19, с. 67, 155, 156], *жулябия* (А. Черноусов), *улетабль* (Д. Данин), народно-этимологические *гульвар* и *спинжаск*.

Выскажем несколько замечаний о переходе явлений фонетического плана в сферу мотивации, который осуществляется прежде всего за счет способов преобразования звуковых оболочек готовых слов, т. е. на лексико-фонетическом уровне. Нередко такой переход сопровождается спонтанным образованием унификсов. Так, усечение *типа спокоен* – *спок, пинг-понг* – *пи-по*, включены в сферу стилистической модификации с явно определенным оттенком и рассматриваются как особый способ словообразования. Иную, но тоже определенную стилистич. окрашенность придает усечение личных имен: *Елена* – *Лена, Станислав* – *Слава*. Своеобразную семантику имеют прозвища в форме усеченных фамилий: *Бочкарев* – *Боца, Зинченко* – *Зина*. Определенным мотивационным значением обладали усеченные фамилии внебрачных детей дворян: *Репнин* – *Пнин, Елагин* – *Агин, Трубецкой* – *Бецкой* [12, с. 57]. Имеют свое семантическое «чуть-чуть» и аббревиатуры, оно связано с меньшей, чем у полных наименований, официальностью. Шуточно-пренебрежительное отношение ко значимому создают повторы типа *танцы-шманцы, фокус-покус, йоги-моги* (их фонетический характер очевиден). С древнейших времен редупликация используется для оформления звуко-подражаний (*тю-тю, пиф-паф*) и усиления признака (*скрип-поскрип, чин-чинарем*). Противоположные явления обозначают, как правило, ретроспективные наименования: *фонема* – *нофема, Ом* – *мо, Генри* – *Ирнег, Оля* – *Яло, телефон* – «*Нофелет*» (название фильма, герой которого использовал слово-палиндром *нофелет* для знакомства) [19, с. 81; 12, с. 94, 95, 155; 11, с. 72]. Контаминированные звуковые оболочки двух слов нередко представляют наименования вещей с двоякой природой: *магнитофон* и *радиола* – *магнитола, стекло* и *кристалл* – *ситалл*. Отрезки *-ола, -алл* – здесь иллюстрируют унификсы.

В ряде случаев фонетическая мотивация перечисленных типов усиливается взаимодействием ее с лексической мотивацией, например: клуб любителей бега – «*Колобок*» (одновременно аббревиатура и метафора), *Бельская* – *Белочка, Рыжкова* – *Рыжая, страсти-мордасти, вирусы* – *вредилусы* (усечение и редупликация извлекает реально существующие слова, которые являются косвенно мотивирующими). Отрезки *-асти, -илусы* – унификсы.

Возможность перехода нестандартных фонетических отрезков в словообразовательные аффиксы иллюстрируют терминологические суффиксы типа *-бус, -ан, -он, -ема, -ол, -ин, -ит* [19, с. 143], [12, с. 150], образованные в своем большинстве через аналогию: *омнибус* – *автобус, троллейбус; нейлон* – *поролон* и т. д. Приобретают свойства аналитических средств словообразования некоторые из наиболее активных аббревиатурных отрезков: *-хоз, -гос, -орг* и др.

Далее рассмотрим некоторые промежуточные формы, возникающие в результате утраты аффиксами своих ядерных свойств и становящиеся явлениями фонетического порядка или, напротив, – их приобретения. Одной из таких переходных форм являются консонантные наращенные открытых глагольных основ-производных типа *крыша, бита, кров, продажа, сдача, стеклодув, смех, старожил*. В ряде случаев их рассматривают как морфологические явления в конце основ: *тлен, клюв, одежда, сев, смех, соня, бита, водолив* (при нулевом суффиксе), *убыт-ок, кормил-ец* (при материальном суффиксе) [9, 12]. В др. случаях они отрываются от основы и определяются как самостоятельные суффиксы: *сдача, добыча, пряха, кожемяка* [13, 12], интерфиксы *пе-в-ец, поня-тливый* [9], или как наращение суффиксов *разви-тие, поня-тливый, убы-ток* [7, 22, 24].

Рассматривая слова типа *сдача*, В. В. Лопатин не исключает двоякой интерпретации сегмента *-ч-* как суффикса или наращенного, но отдает предпочтение первому решению, т. к. «сегмент *-ч-* повторяется в ряде слов с определенным словообразовательным значением, а это уже признак материально выраженного словообразовательного аффикса – носителя данного значения» [13, с. 126]. На наш взгляд, прикрепленность данного сегмента к узкому кругу глагольных основ, морфонологические, а не семантические мотивы его выбора, возможность выражения значения субстанциональности субстантивной парадигмы существенно отдаляет его от словообразовательного статуса.

В этимологических словарях многие из подобных сегментов определяются как суффиксы: *сме-х, пря-х-а бра-нь* [25, 28]. В настоящее время их суффиксальные свойства значительно ослаблены, и это находит отражение и в лингвистике*. Разумеется, статус перечисленных выше сегментов неоднозначен. Такие из них, как, например, *-х (а)*, обладают многими признаками суффиксов: наличием продуктивности, ядерного значения и определенной стилистической отнесенности. Развитием формальной и семантической инвариантности, ср.: *неуме-ха, выпив-оха, показ-уха, неразбер-иха*.

Аналогичные проблемы ставит Е. А. Земская в статье «Чередование или суффиксация», в которой сопоставляются соотношения типа *баран* – *барашек* и типа *магазин* – *магазинша, бассейн* – *бассейша*. Автор убедительно доказывает, что в первом случае имеет место чередование, во втором же случае следует видеть суффикс *-ш(а)*, который характеризуется экспрессивно-семантической общностью, связью с определенной системой флексий, присоединением к фонетически разным финалям [9].

Противоречивый статус у компонентов, оформляющих и классифицирующих глагольные основы: *сол-и(т)ь, сид-е(т)ь, чит-а(т)ь*. В настоящее время они являются средоточием разнопорядковых функций: номинативной, мотивационно-словообразовательной, приспособляемостной, классифицирующей в фор-

мальном плане, которые неоднозначно и в различных сочетаниях реализуются в разных глаголах. Скажем, сегменты *-и-* и *-е-* в глаголах типа *рулить* и *шуметь* выступают как мотиванты и форманты с определенным значением, отражающим смысловую связь их означаемых с означаемыми мотивирующих имен, одновременно они включают данные глаголы во внутриглагольные оппозиции, ср. *рульнуть*, *шумнуть* [20, с. 22 – 24]; с ними же связано противопоставление двух вариантов основы: вокализованного (*рули-*, *шуме-*) и невокализованного (*рул-*, *шум-*), выбор которых обусловлен фонетически. В глаголах типа *козырять* и *чуметь* данные сегменты уже не разграничивают варианты основ, не участвуют непосредственно в приспособлении основы к парадигме, поскольку сохраняются в обоих вариантах основы. В глаголах типа *катить*, *лететь* сегменты *-и-* и *-е-* обладают морфологической функцией, ясным номинативным значением, ср. *катать*, *летать*, но роли мотивантов и формантов они не играют в силу отсутствия определенных мотивирующих единиц для них. Более сложную природу имеет суффикс *-ова-*: разграничивая варианты основ, он достигает уровня синонимии (*-ова-/уй-*), достаточно устойчивая связь с мотивирующими именами усиливает его словообразовательный статус, но во внутриглагольных оппозициях его роль незначительна.

Ослабление позиции большинства суффиксов в сфере внутриглагольных противопоставлений является общей тенденцией в развитии глагольной системы. Оно определяется актуализацией приставочных образований и выдвиганием на первый план суффикса *-ыва /-ива*, маркирующего неопределенные действия [21]. Глагола с прочими суффиксами при отсутствии префиксов становятся немаркированными членами внутриглагольных оппозиций и играют в основном морфонологическую или формально-классификационную роль, поэтому их уже нельзя назвать собственно суффиксами. У них нет определенной семантики и позиции, например, *-и-* и *-е-* обнаруживаются в глаголах несовершенного вида (*курить*, *висеть*) и совершенного вида (*решить*, *велеть*), в том числе в приставочных глаголах, где значение суффикса вообще нейтрализовано. Не деление данных суффиксов общепроцессуальным значением [14, с. 85] может вызвать возражение в том плане, что это значение может быть отнесено к глагольной парадигме (ср. *руль*, *руля*, *о руле...* *-рулю*, *рулишь*, *рулит...*) или даже к некоторым корням [14, с. 66]. К этому же следует добавить, что разнообразие форм (*-а-*, *-е-*, *-и-*, *-у-*, *-о-*, *-ова-*) не может не ослабить семантических позиций данных сегментов.

Сказанным далеко не исчерпывается описание форм взаимодействия фонетического и словообразовательного уровней. Так, нельзя рассматривать в отрыве от фонетических процессов образование линейных вариантов суффиксов, ср: *молод-ежь* и «*старо-дежь*», *однополч-анин* и *завод-чанин* и т. п. Расширение состава субморфов – незначимых отрезков в

структуре слова – прежде всего связано с деаффиксацией, т. е. движением аффиксов в сторону явлений фонетического плана: *низ-м-енный*, *пер-н-атый*, *нов-ш-ество*, *черт-ых-аться*; *лис-ица* (ср. *лиса*), *репей-ник* (ср. *репей*), *цвет-ок* (ср. *цветы*), *кур-ица* (ср. *куры*) и т. п. Сравнимые единицы подчеркивают возможность рассмотрения выделенных сегментов как вариантообразующих в формальном плане, поскольку собственного значения они не имеют. Подробнее данные явления рассмотрены нами ранее в книге [4, с. 59 – 65, 80 – 97]; см. об этом также [8, 23].

Отдельная подтема в теме нестандартных «отрезков» – статус уникальных элементов в системе словоизменения. Словоизменение, разумеется, менее подвержено тенденции сохранения нестандартных форм, (стандартность – один из системообразующих признаков морфологии), однако в закрытых и давно сложившихся группировках слов такие элементы легко обнаруживаются в любом языке, таковыми группировками являются, например, местоимения и числительные. Рассмотрим, в частности, морфодеривационную структуру местоименных словоформ *кто*, *что*, *ты*, *мы*, *вы*, *я*, *нас*, *вас*. На фоне парадигмы словоизменения конкретной лексики *кто* (= *что*) отрезок *-то* в именительном падеже можно трактовать как окончание (*к-то*, *к-ого*, *к-ому...*), однако его уникальность в системе окончаний и – главное – типичность нулевого окончания для именительного падежа единственного числа в местоименном типе склонения делают такое решение далеко не самоочевидным, при акценте на этом обстоятельстве гораздо предпочтительней решение *к(то) #*, где *то* имеет статус вариантообразующего наращения основы. Такая же логика применима для *мы*, *вы*, *я*. Казалось бы, в *мы* и *вы* флексивный статус *ы* бесспорен: *стол-ы*, *ос-ы*; однако наличие *ы* в *ты* ставит под сомнение тот факт, что *ы* – флексия именно множественного числа; она на этом фоне, скорее, имеет морфонологическую природу, то есть – *мы #*, *вы #*; заметим, что если основной статус *в* (в *вы*) не вызывает особых сомнений (*в-ас* (прим. автора: *Нужно признать, что наличие нестандартного -ас несколько осложняет развиваемую нами логику квалификации отрезка как флексии, поскольку в родительном падеже множественного числа (ям #, ос #) довольно типично нулевое окончание, однако не для лексем такого типа), в-ам, в-ами*), то статус *м* в *мы* не столь однозначен из супплетивизма основы (*мы*, *нас*, *нам*, *нами*), однако аналогический характер словоизменительных парадигм предполагает пренебречь этим различием, как и в случае с *я*, *меня*, *мной*, где также с системных позиций предпочтительней видеть структуру *я #*, ибо супплетивизм в современном русском языке не является словоизменительным формантом, а лишь вспомогательным средством наряду с морфонологией. В словоформах числительных *два*, *три*, *четыре* (ср. *обеих*, *обоих*, в которых и по линейным и по парадигматическим отношениям, включенным в грамматические аналогии, гораздо больше основания выделять самостоятельные флексии *-е-* и *-и-* с родовым значением, чем мало поддерживаемые аналогией громоздкие *-еих*, *-оих*) (прим. автора: «Русская грамматика» [17, т. 1, с. 579]

предлагает иной вариант членения словоформ этого числительного, включая отрезки -о- и -е- в косвенных падежных формах в состав основы (обо-их, обе-их), а в именительном падеже – в состав флексии (об-а, об-е). Такое решение нам представляется нелогичным: оппозиция по роду, зафиксированная в именительном падеже, сохраняется и в косвенных падежах, перенесение ее на основу никак не согласуется с морфологической системой русского языка, в котором род в словоизменительных парадигмах маркируется именно флексией, а не различием основ. Разумеется, наш вариант требует ответа на вопрос о способе выраже-

ния падежного значения в словоформах оба и обе. Аналогическое продолжение ряда словоформ об-о-их, об-е-их предполагает формы с нулевой флексией именительного падежа: об-а#, об-е#, что слишком выпадает из типовых структур русских словоформ; гораздо большие в духе русского языка признание квалификации флексий -а и -е как синкретических, совмещающих род и падеж по типу он-а, где -а- флексия, выражающее одновременно грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа).

Литература

1. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971.
2. Воеводина, Г. А. Уникальные аффиксы в современном русском языке: учебно-методическое пособие / Г. А. Воеводина. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – 144 с.
3. Голев, Н. Д. Антиномический анализ системы способов словообразования в русском языке / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы современного словообразования: сборник научных статей / под общ. ред. Л. А. Араевой. – Вып. 4. – Кемерово, 2011. – С. 35 – 46.
4. Голев, Н. Д. Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа: учеб. пособие / Н. Д. Голев. – Барнаул, 1980.
5. Голев, Н. Д. Лексическая мотивация как функциональная семантическая категория (к постановке проблемы) / Н. Д. Голев // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. – Курск: Изд-во КурПИ, 1986.
6. Голев, Н. Д. Фонетические мотиванты (взаимодействие разных уровней языка в сфере мотивации) / Н. Д. Голев // Семантика и системность языковых единиц / межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1985.
7. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
8. Зиновьев, В. Н. Проблемы фонетико-морфологического словообразования в русском языке / В. Н. Зиновьев // Учен. зап. Горьковского ун-та. – Серия: Историко-филологическая. – 1961. – Вып. 52.
9. Земская, Е. А. Чередование или суффиксация (к изучению словообразования в русской разговорной речи) / Е. А. Земская // Памяти академика В. В. Виноградова. – М., 1971.
10. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Высшая школа, 1973.
11. Карпенко, Ю. А. Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. – М.: Наука, 1981.
12. Лейчик, В. М. Люди и слова / В. М. Лейчик. – М.: Наука, 1982.
13. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
14. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980.
15. Панов, М. В. Русский язык / М. В. Панов // Языки народов СССР. – М., 1966. – Т. 1.
16. Петрухина, Е. В. Структура и членимость русского слова / Е. В. Петрухина. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>
17. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980.
18. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983.
19. Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982.
20. Соколов, О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка / О. М. Соколов. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1972.
21. Силина, В. Б. История категории глагольного вида / В. Б. Силина // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М., 1982.
22. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь / А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1978.
23. Хужина, А. Ф. Варианты или суффиксы (о качественных прилагательных с основой на -лив- и -чив-). / А. Ф. Хужина // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. – 1970. – Т. 278. – Вып. 17.
24. Цыганенко, П. П. Словарь служебных морфем русского языка / П. П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1982.
25. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971.
26. Шарандин, А. А. Актуальные и спорные вопросы русской морфематики / А. А. Шарандин. – Тамбов, 2012.
27. Шидловская, И. А. Уникальные конститuentы лексических единиц современного немецкого языка / И. А. Шидловская // Вестник Башкирского гос. университета. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 944 – 947.

28. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – Вып. 2 / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1965; Т. 1. – Вып. 5 / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973; Т. 2. – Вып. 8 / под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ, 8(3842) 31-84-26, ngolevd@mail.ru.

Golev Nikolay Danilovich – Doctor of Philology, Professor at the Russian Language Department of KemSU.